

К именам городских улиц привыкают как к данности. А имя уроженца Русской Борковки, Героя Советского Союза генерал-майора Дмитрия Голосова из тех редких данностей, к которым не просто привыкают — принимают сердцем. Раньше о таких, как он, ветераны, согнутые тяжестью воспоминаний, рассказывали с легким сердцем. Именно с легким, потому что биографии таких, как Голосов, не требовали ни прикрас, ни «купюр» и умолчаний. Зачем, если прожитая им жизнь, судя по отлежавшимся во времени воспоминаниям его родных, была хотя и трудной, но яркой и честной. Последнее, наверное, особенно ценно для нашего жесточайшего, пронизанного ложью и недомолвками века...

■ Портрет генерала Голосова всегда был в доме сестры.

ИКОНОСТАС ГОЛОСОВА

То, что Митя Голосов не станет баловнем судьбы, было ясно с самого начала. Хотя и обещала революция таким, как он, другую жизнь. Ту, за которую пытались воевать крестьяне двух Борковок, Русской и Мордовской, мечтая поделить землю графа Орлова-Давыдова. Хорошая, тучная была земля, похороненная уже в наше время автозаводом, промкомзоной и прочими застройками...

Если следовать летописям, первый раз за самовольную распахку нещадно высекли борковцев ровно сто лет назад, в 1899-м. Второй — в 1903-м, как раз в год рождения будущего советского генерала. «На самовольную запашку вышло около 500 сох, — читаем в историко-экономическом очерке «Город Тольятти» (1975). — Правительство учинило еще более страшную расправу, чем в 1899 году. Семьдесят человек было изувечено, из них двадцать четыре умерло, в том числе в ставропольской тюрьме». Словом, было за что борковским пахарям не любить царизм. Поэтому-то, как вспоминают старожилы, в первую революцию и кинулась местная беднота жечь хутора, амбары с хлебом и «тащить скотину в разные стороны».

Не зная, как отразились те события на семье Голосовых, в которой, кроме Дмитрия, росли еще шестеро его братьев и сестер, но им тоже жилось несладко. Сестра генерала Ольга Николаевна вспоминала, какие они были «растакие бедняки — ну не побирались только». Глава семьи, Николай Яковлевич, зарабатывал на жизнь тем, что «гонял ямщину» — возил местного старосту, у которого было две своих лошади. Этим и жили, лаптем щи хлеба. Пока в 1919-м и вовсе не потеряли кормильца: отец умер от тифа, оставив семью на старшую дочь Елизавету.

«Нас сестра вырастила, — рассказывала Ольга Николаевна, которой в ту пору было шесть лет. — За эту сестру Митя умирал: если, говорит, только Лизаньку обидите, то я вам наказ дам. Такая умица была...»

Умницей, по словам сестры, был и Дмитрий Николаевич. Гордятся им Голосовы (а их и в Борковке, и в Тольятти — не счесть), ясное дело.

В армию Митю взяли в 1926-м. Мог бы бронью воспользоваться (как-никак, мать и сестры младшие на попечении), но он рассудил иначе. Сам пошел в военкомат.

Путь его в рядах непобедимой и легендарной прописан довольно внятно, хотя и без лишних подробностей. «С первых дней службы в армии Голосов проявил добросовестность и старание, — читаем в одном из томов сборника «Подвиг во имя родины» (Куйбышев, 1965). — Его зачислили в полковую школу, после окончания которой он стал командиром отделения, а вскоре помощником командира взвода...» От демобилизации парень отказался. Вступив в партию и отучившись в Ульяновском пехотном училище, к началу войны подающий надежды красный командир дослужился до комполка.

В каких кампаниях участвовали подразделения, которыми командовал Дмитрий Николаевич, можно только догадываться. Но в так называемом «присоединении» Бессарабии с Буковины к Советской России, видимо, поучаствовал. И задержался там до самого «вероломного нападения» гитлеровцев. «Отечественная война застала коммуниста Голосова в должности командира стрелкового полка в районе местечка Скуляны, в Молдавии, в пятидесяти километрах севернее города Яссы, на пограничной с Румынией реке Пруте. Около двух недель полк Голосова защищал пограничную полосу от многочисленных атак вражеской пехоты. Затем воинам пришлось вести тяжелые оборонительные бои на юге Украины и отступать к Донбассу».

По свидетельствам куйбышевских биографов, на почти тысячекилометровом скорбном пути полку удалось не только выйти из всех передышек (о потерях не сообщается), но нанести урон рядам противника. В качестве примера приводится наголову разбитый батальон итальянского экспедиционного корпуса под Горловкой. За время отступления Голосов проявил себя как талантливый и находчивый полководец — не зря же ему в конце 1941 года было поручено сформировать и возглавить дивизию, которую уже весной 1942-го бросили на Брянский фронт. А точнее — оборонять железнодорожную станцию Русский Брод на линии Орел — Ливны. Затем дивизия под командованием Голосова вое-

вала на одном из самых напряженных участков Курской дуги — на Орловско-Курском направлении в составе войск Центрального фронта. О том, какие сложные «задачи» пришлось решать нашему земляку, тоже упоминается в «Подвиге...» Комдив «хорошо понимал, что гитлеровское командование предпримет здесь большое наступление. Поэтому по его указанию был создан глубоко эшелонированный оборонительный рубеж». По сути, генерал уберек дивизию от полного разгрома. Уже после, получив пополнение, ее бросили в самый центр дуги, в распоряжение армии генерала Черняховского, решавшей особые задачи. И хотя имя Голосова не вошло в официальную историю Курской битвы, изданную «Наукой» в 1970-м, уж мы-то понимаем: время расставит все по местам.

Впрочем, не этим прославился наш генерал. Не за это получил он звание Героя Советского Союза

Саму Людмилу Дмитриевну года три назад мне удалось разыскать совсем рядом, в Жигулевске, в старой четырехэтажке на улице Ленина. Открыла, услышав заветное: «Генерал Голосов». Ожила. Усадила в кресло. Достала плюшевый фотоальбом. Вот Голосов на фронте, на фоне «Виллиса». Вот в санатории в подмосковном Архангельском, в «компании» со флинком: А вот на севере, в Коми, где остался служить после разгрома гитлеровцев и куда забрал семью...

Кстати, войну, эвакуацию Голосовы пережили в нашем Ставрополе: дети, мать и бабушка, мамама мама. «Помню, жили напротив нарсуда. Там нам квартиру дали», — рассказывала Людмила Дмитриевна. Особенно врезалось в память, как встречали вернувшегося с войны отца: сколько народу пришло на пристань — знали, помнили Голосова...

Есть на фото и сын генерала Голосова — Владимир Дмитриевич. Он тоже пошел по военной линии: сейчас уже в отставке, давно и прочно обосновался в Минске. С ним связана одна семейная история, которую, в общем-то, и не скрывают. Да и что тут особенного — времена ведь не выбирают. Когда в 1937-м родился наследник, отец назвал его Адольфом. В честь большого в то время «друга» и «союзника», о котором Сталин намеревался поделить мир

(речь о пресловутом пакте Молотова — Риббентропа). Так и записали в метрике: «Адольф Голосов». Так и величали, пока, уже женившись, не переименовался он во Владимира. Можно представить, что пришлось пережить сыну славного боевого генерала из-за нелепой «стратегической» ошибки отца. «Во время войны брата все время дразнили: «Гитлер,

(наградной лист, подписанный Калининым, хранится в музее Приволжско-Уральского военного округа). «Героя» Голосову дали за форсирование Днепра. Освободив города Конотоп (именно за это соединению присвоили почетное название Конотопской) и Нежин (комдиву — орден Красного Знамени), дивизия Голосова гнала гитлеровцев до Днепра. Те, кто помнит историю той войны, знают, что это была за переправа. Поговаривали, что каждый, кто под жутким обстрелом возьмет рубеж, с которым и в мирное-то время совладеет не каждая гоголевская птица, — непременно получит Звезду. Но надо ли объяснять, что не только звезды манили сухопутного комдива и его пехотинцев, сумевших после 15-дневной битвы переправиться и закрепиться на казавшемся недосыгаемым правом берегу.

В представлении, подписанном командиром 77-го стрелкового корпуса, сказано: «Генерал-майор Голосов... в самые ответственные моменты лично находился на решающих участках боя, воодушевляя личным примером храбрости и героизма бойцов и командиров на славные подвиги».

Подвигов было немало: не зря в «иконостасе» Голосова такие солидные награды, как два ордена Ленина, два — Красного Знамени, ордена Суворова второй степени и Богдана Хмельницкого. И медали. А «в нагрудку» — три ранения и две контузии. В мае 1944-го генерал попадает в госпиталь. Оттуда — в академию имени Ворошилова. И снова на фронт, теперь уже на Карельский — командиром корпуса. До самой победы...

Так что не только за сестру Лизавету «умирал» Митя Голосов. За всех нас умирал.

Детей у Голосова трое. Старшая, Нина, с 1926-го. В 1934-м — родилась Люся. А в 1937-м появился сын. Все трое живы. Все на пенсии.

Нина Дмитриевна была замужем за военным. Сейчас живет в Москве. Одна — и муж, и сын улири.

Гитлер». Маленький еще тогда был, — вспоминала Людмила Дмитриевна...

Или еще фрагмент. Из Заполярья Голосова перевели в распоряжение штаба Приволжского военного округа, направили в Вольск — командовать военным училищем. Задачу поставили — порядок навести: не дело, когда жены офицеров, дабы прокормить семью, разводят коз и под покровом ночи торгуют молоком на пристани. Прекратилось это дело. Как говорится, строг был генерал, да справедливы. И к чужим, и к своим. За примером не надо далеко ходить. Как вспоминала сестра Голосова, преподавателям училища наказывал он три шкуры драть с ее сына, собственного племянника-курсанта. Зато вышел из мальчишки толк. Кадровый офицер Александр Голосов четыре с половиной года отвоевал в Афгане, служил на полигоне Капустин Яр. Как и дядя, в отставку ушел генерал-майором...

У Дмитрия Николаевича не осталось друзей-ровесников — посчитайте, сколько прошло с 1903-го. Но говорят, считали Митю Голосова человеком жестким. Рассказывали, как еще парнем гонял он по Борковке деревенских хулиганов, «люто ненавидел бандюг» — спуску не давал. У дочери — свое восприятие: «папа был добрый». Устроившись в самарскую квартиру — на улице Горького, окнами на Волгу, забрал внучку и воспитывал до самой своей смерти. Звал в свое время и младшую дочь: после того как полюбил другую женщину и оставил семью...

Родные вспоминают, что в Самаре, куда уже разбитый недугом Голосов попросил перевести его под конец жизни («на родине умереть хочу»), ни шагу не мог сделать бывший пехотный генерал без табуретки. Аукнулись ранения и контузия...

А в 1974-м на 9 Мая возили дочь Голосова на открытие памятника Дмитрию Николаевичу в Борковке. Приглашали и в 50-ю тольяттинскую школу, которой присвоили имя отца. И улицы показывали: «Красивая улица»...